

ГИШПАНСКИЕ хроники

НЕДОСТАЮЩИЕ СТРАНИЦЫ
«РУКОПИСИ, НАЙДЕННОЙ В САРАГОСЕ»,
обнаруженные в одном из частных
собраний бумаг

ЛЮБОВЬ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
Краткая поучительная пьеска
из испанской жизни в трех действиях с прологом

ТИПОГРАФИКИ

2006

НЕДОСТАЮЩИЕ СТРАНИЦЫ
«РУКОПИСИ, НАЙДЕННОЙ В САРАГОСЕ»,

*обнаруженные в одном из частных
собраний Бунага*

Казак на север держит путь
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
ни при опасной переправе

А. С. Пушкин
«Полтава»

Пре дисловие издателю

Совсем недавно, работая в одном из частных собраний бумаг, я обнаружил несколько весьма старых на вид листов, исписанных довольно аккуратным почерком. К неописанному восторгу своему, вчитавшись в выцветшие от времени строки, я обнаружил, что это страницы известной «Рукописи, найденной в Сарагосе», написанные собственной рукой её автора, капитана валлонской гвардии, сеньора дон Альфонса Ван Вордена! Мой восторг и волнение ещё более усилились, когда я убедился, что обнаруженные мною страницы никогда не входили ни в одно из изданий «Рукописи», предпринятых графом Потоцким, и, соответственно, ни в одно из последующих изданий, перепечатывавшихся с издания покойного графа.

Само содержание приводимых ниже страниц объясняло их отсутствие в известных изданиях. Сам автор — сеньор дон Альфонс Ван Ворден, хранил их отдельно от остального текста, что и привело к тому, что, обнаруживший их в Сарагосе, не заметил этих нескольких страниц, находившихся, несомненно, там же, неподалёку. Судьба этих страниц, несомненно, сильно отличается от судьбы той части, что была издана г-ном По-

тоцким, но о ней мы ничего сказать на сей день не можем. Несомненным является только одно — невзирая на все уготованные им превратности, листы эти были сохранены от полного уничтожения и достигли того частного собрания бумаг, где и были мною счастливо обнаружены. Нынешний хозяин этого собрания нисколько не придаёт значения этим потрёпанным и несколько потраченным судьбой листочкам, и их появление в своём архиве объяснил скрупулёзностью одного из своих предков, существенно расширившего этот архив и из собрания деловых бумаг превратившего его в род коллекции, содержащей в себе многое, не относящееся к делам её владельца. В виду этого, хозяин сего собрания бумаг легко откликнулся на мою просьбу о приобретении мною у него моей находки и даже поощрил меня к скорейшему изданию оной. Причиной этого было отнюдь не безразличие его к вещам, лишённых скаредного значения, но трезвое понимание того, что содержимое этих листов, не деля славы его архиву во время безвестного нахождения в нём, полезно окажется многим, выйдя из сего убежища в свет. Благодаря от всей души сего благоразумного домостроителя, приобретающего великую пользу не себе только, но и многим, оказавшегося в его руках богатства, приступим и к некоторому исследованию сей замечательной находки.

Причиной отделения найденной нами части «Рукописи» от основной её части, как видно из содержания сих листов, служит, несомненно, совершенно особый характер бесед дон Альфонса с собеседником, о котором не упоминается более ни в какой другой части «Рукописи». Решающую роль в судьбе этих листов сыграло неоднократно упоминавшееся в «Рукописи» воспитание её автора. С одной стороны, это воспитание, утверждавшееся на нерушимых основаниях дворянской чести, не позволяло автору упускать в своих записях ничего из того, что происходило с ним во время путешествия с цыганским та-

бором в горах Сьерра-Морены, а с другой — это же воспитание не позволяло ему публиковать рассказы об этих событиях, столь задевавших его дворянское самолюбие, весьма развитое представлениями о чести, полученными доном Альфонсом при его воспитании, достоинства которого столь часто упоминаются самим автором рукописи.

Впрочем, рассуждения эти становятся излишни для всякого, кто хотя бегло ознакомится с содержанием нашей счастливой находки.

В довершение нашего предисловия считаю необходимым принести извинения читателю за некоторые утраченности текста, произведённые, впрочем, не нами, но загадочной судьбой этих листов, которая и нам пока являет совершеннейшую тайну.

С почтением к благосклонному читателю, берущему в руки сии страницы,

И з д а т е л ь

...Освоившись с жизнью в цыганском таборе, руководимом его вожаком, и познакомившись с его жителями, я обнаружил среди них одного обитателя, вид которого, равно как и весь образ поведения выделяли его из прочего таборного общества, невзирая на свойственную табору пестроту.

Вид этого человека выдавал в нём чужеземца, поскольку он не был похож ни на кого, из виденных мною жителей Европы и, даже, средиземноморских побережий Африки и Азии.

Однако, вся манера поведения его как будто говорила, что он не чувствует себя находящимся на чужбине, а скорее, на нелюбимом им задворке собственных владений, что не мешало ему и там чувствовать себя полным хозяином, снисходящим до нужд и призывчек обитателей своих владений.

Говорил этот загадочный человек на местном наречии довольно сносно, с невыразимой силой ясности, чему не мешало ничуть употребление им слов из своего языка, которые оказывались ясны каждому без всяких пояснений.

Впервые увидев его, я предположил в нём турка, к чему склонил меня вид его совершенно турецких шаровар. Впрочем, присмотревшись внимательно, я заметил несомненные отличия его шаровар от турецких. Плечи его и стан одевала белая рубаха, вышитая вдоль всегда распахнутого ворота особой формы своеобразным узором. Пояс был охвачен несколькими оборотами длиннейшей шёлковой полосы, которая, несомненно, когда-то обвивала голову какого-нибудь правоверного магометанина (этому я обнаружил подтверждение в дальнейшем). Лицо его обрамлялось усами совершенно варварской длины и пышности. Голова укрывалась меховой шапкой, которую, как я потом услышал, незнакомец называл *параха*. Сняв эту *параха*, он на мгновение вновь склонил меня к мысли, что передо мною турок — голова его была гладко выбрита. Однако, из самого темени росла довольно длинная прядь волос, несколько раз обвитая вокруг левого уха.

Незнакомец, по видимому, пользовался уважением в таборе и имел поэтическую привычку удаляться на какую-нибудь вершину, открывавшую один из многочисленных здесь прекрасных видов, и проводил время в философической задумчивости, возлежа, опершись на локоть и куря свою неизменную *lulca*, набивая в неё время от времени *tutup* — так он обозначал словами своего таинственного языка трубку и табак.

Обитатели табора, видя моё любопытство к персоне незнакомца, предупредили меня о нежелательности нарушения его ежедневных уединений, случавшихся чаще всего после обеда. Осведомившись о причине этого и узнав, что обитатели табора предостерегают меня от опасности, исходящей от незнакомца, я твёрдо решил пос-

тупить вопреки их, несомненно, доброму совету, и причиной тому было, конечно, полученное мною воспитание.

Выбрав один из дней, когда место обычного уединения заинтересовавшего меня таборянина ограждало нас от любопытных глаз, я направился прямо к нему, не оставляя, впрочем, учтивости, которую предписывало мне полученное мною воспитание...

(Здесь несколько строк совершенно неразборчивы, причиной чему, несомненно, служит таинственная судьба обнаруженной нами рукописи — Прим. Издателя.)

...Казалось, никакие обращённые к нему слова не привлекали внимания незнакомца. Это, признаться, раздражило меня, однако, желание получить хоть какой-нибудь ответ заставило меня произнести слова, которые всякому должны были показаться обидными...

...Я не понял, что произошло со мною, однако, дальнейшие мои действия оказались решительно невозможными: руки мои были спутаны посредством того самого kushack, которым только что был обвит пояс моего собеседника. Я лежал животом на земле, так что лицо моё упиралось в мех этой загадочной рараһа, а ноги мои расположились таким странным образом, что каждая из них как бы образовывала пути для другой. Трудно было представить более безнадёжное положение, тем более, что позвать на помощь не позволяли ни выбранная мной самим уединённость места, ни мех рараһа, забивавший весь мой рот. К тому же взывать о помощи не позволяло и моё воспитание, о котором столько я уже говорил.

Что было ждать, к тому же, от моего сурового противника, так скоро и необычно управившегося с моею отвагою, уже преодолевшей и здесь, и на родине у меня столько препятствий и повлекшей столько подвигов? Я приготовился к худшему. Однако, голос незнакомца отвлёк меня от этих мрачных мыслей.

— Не сердчайте, панычу, — добродушно сказал он мне.

Его удивительная способность говорить внятно не позволяла

столько подвигов? Я приготовился к худшему. Однако, голос незнакомца отвлёк меня от этих мрачных мыслей.

— Не сердчайте, панычу, — добродушно сказал он мне.

Его удивительная способность говорить внятно не позволяла мне определить, говорит ли он на каком-либо из знакомых мне языков, или же на своём собственном наречии. Удивительное своеобразие его речи, сохранившееся и после того, как я её записал, склоняет меня в пользу последней мысли.

— Не сердчайте, — повторил он, — у нас, cosack'ов, не заведено без особой надобности покой нарушать.

Впрочем, видя, что надобность я имел, он, взяв с меня честное слово соблюдать мир, одним движением избавил меня от пут и на ногах, и на руках, и, что особенно доставило мне радость — уста мои снова стали свободны.

Узнав о причине, заставившей меня нарушить его ежедневный покой, он согласился поведать мне свою историю.

* * *

К сожалению, история эта не может быть приведена сейчас здесь полностью, по причине крайней повреждённости страниц рукописи, виной чему, несомненно, является скрытая от нас до времени их судьба. Однако, новейшие методы научных исследований оставляют нам полнейшую надежду на восстановление данного отрывка, представляющего несомненный интерес для всякого просвещённого читателя. Пока восстановлено только общее содержание рассказа и несколько заключительных слов казака Андрия Перехватко, обращённых непосредственно к его собеседнику, дону Альфонсу Ван Ворден. Краткое содержание этого рассказа сводится к следующему: запорожский казак Андрий Перехватко, получивший воспитание среди своих товарищей по воинским подвигам, которые были братьями ему по Святой Православной Вере, по природной любознательности

своей решивши посмотреть мир, избрал для этого способ необыкновенный, притом не требовавший особых расходов.

Под видом невольника проникнув на турецкие галеры, идущие к берегам Гибралтара, Андрий устроился на одной из них гребцом, что при могучем его сложении и полученной при воспитании выносливости не составило ему особых хлопот. Добравшись таким образом до цели своего плавания, он в виду Испанского берега отстал от своего судна и вплавь до Испанской земли добрался. Пространствовал довольно по Испанским просторам и приобыв к тамошним нравам и наречиям, Андрий Перехватко решил обдумать всё увиденное, для чего и пристал к табору, кочующему по просторам Сьерры. Выбор этот определился тем, что и таборная жизнь, и природа этой местности доставляли всё необходимое для неспешного и глубокого обдумывания полученных впечатлений. Много из увиденного в Испании было одобрено казаком, многое же было найдено ничтожным и, в силу своей распространённости среди местных жителей, ввергло казака Перехватко в некоторую печаль об этом, в общем-то, неплохом народе. В состоянии этой возвышенной грусти и застал его в уединённом месте дон Альфонс Ван Ворден, чем и было вызвано то своеобразие первой встречи, частичное описание которой приведено выше. Впрочем, забота о благе, столь полюбившегося ему испанского народа, заставила Андрия Перехватко дать несколько добрых наставлений дону Альфонсу Ван Ворден. Некоторая их часть содержится в строках, восстановить которые удалось уже сейчас. Имею честь предложить сей отрывок вниманию благосклонного читателя. *Издатель.*

История
казака Андрия Перехватко,
рассказанная им Дону Альфонсу ван Вордену,
капитану валлонской гвардии в горах Сьерра-Морены
при первом их ближайшем знакомстве

...Похлопав меня приятельски по плечу и выпустив в уже темневшее небо клуб дыма из своей *lulca*, мой собеседник вновь обратился ко мне:

— Добрый ты хлопец, Альфонсо, добрый бы из тебя казак вышел. Да есть в тебе и поганые чёрточки.

— Позвольте осведомиться подробнее, — вспыхнул я, в силу своего воспитания хватаясь за эфес шпаги. Впрочем, полученный мною сегодня урок, перевесил уроки предыдущей жизни, и шпага осталась в ножнах.

— А погань в тебе, панычу, та, что, во-первых, с басурманами да с жидами якшаешься, да не по делу, а ради баб ихних б...ских. А потому это всё, что папёжники ваши научили вас, дурней, собственную спесь да похоть по жидовски изъяснять, и чёрное белым представлять через это. У нас, чего греха таить, тоже козаку случается под бабьи тенёта подпасть. Да он побарахтается, покрутится, да и плюнет вовсе. А вы — не так. Ты вот, панычу, сейчас себя добрым христианином считаешь, от веры своей не отрекшимся, а какой же ты, к свиньям собачьим, христианин, когда ты в двух юбках бусурманских как карась в неводе запутался?

Я внутренне побледнел, и только моё воспитание не позволило показать волнение, происшедшее при упоминании тайных моих походов с двумя моими прекрасными родственницами. От наблюдательного собеседника моего не скрылось, однако, внутреннее моё волнение.

— Да ты, паньчу, не волнуйся, я ведь не тайну какую открываю. Тут в таборе тайн нет. Но народ обходительный, при тебе молчат все из вежливости...

(На этом восстановленная часть рукописи обрывается. Надеемся, что дальнейшее развитие научной мысли позволит нам в скорейшем будущем восстановить в подробностях всю беседу между запорожским казаком Андрием Перехватко и капитаном валлонской гвардии доном Альфонсом Ван Ворденом, состоявшую во время их встречи в горах Сьерра-Морены. Издатель)

* * *

Как и предполагалось нами ранее, кропотливые труды над повреждёнными страницами рукописи, а также применённые при этом новейшие научные методы, позволили нам отчасти дословно, а отчасти — на уровне смыслового пересказа, восстановить ещё один обширный фрагмент рукописи. Как видно из его содержания, вышеописанная первая встреча дона Альфонса Ван Вордена и казака Андрия Перехватко (Переходко) не была единственной. Предлагаемый вниманию просвещённого читателя вновь восстановленный фрагмент представляет описание одной из последующих встреч дона Альфонса и казака Андрия. Судя по содержанию, собеседники, обсудив предварительно многие важнейшие вопросы, подошли к вопросу культурного влияния казачества на духовное развитие Западной Европы.

Сообщаемые казаком Перехватко (Переходко) уникальные сведения дают вдумчивому исследователю ключ к разгадке того культурного взлёта, который пережила западноевропейская культура в конце XVI — начале XVII вв.

Издатель

...После обеда, соблюдая ставшие привычными для меня предосторожности, я вновь нарушил задумчивость cosack-a, чтобы услышать продолжение его рассказа об обычаях того удивительного народа, к которому он принадлежал. Услыхав от дона Андрия немало удивительного о cosack-ах, я немало был удивлён, что ничего о них до сих пор в Европе не слышно.

— Неужели, сеньор Андрий, Вы — первый из своих собратьев, кто добрался до наших стран? — спросил его я, в надежде услышать от него какую-нибудь новую историю.

— Что ты, паньчу, — отвечал тот. — Братия наши давно в Ваших краях бывали, да и память добрую о себе во многом оставили.

— Я, признаться, ни одного имени, схожим с Вашим из европейской истории не припомню, — учтиво возразил я.

— Что верно, паньчу, то верно. В ваших краях наши имена на ваш лад многие переделывать горазды. Да мы не сетуем — со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Да и что за беда, ежели и горшком назовут? Лишь бы в печку не ставили. По правде и сказать, паньчу, не за те дела нашего брата здесь хвалили, чтобы у нас этим похваться. Дела-то, конечно, не стыдные, добрые, можно сказать, да у нас они славы не прибавляют, поскольку самый малой казачонок с ними управиться может, а у вас ведь они — в диковинку. Вот и боялись наши, что у вас прославившись, от своих засмеяны будут — «молодец, дескать, среди овец», потому и не старались вами переделанные имена в прежний вид возвратить.

Некоторая обида, усмотренная мною в словах cosack-a, заста-

вила меня задать вопрос, впрочем, не выходящий из пределов необходимой учтивости:

— Не могли бы Вы, сеньор Андрий, раскрыть хотя бы один из таковых псевдонимов?

— Отчего же не открыть? — пустив облако дыма из своей *lulca*, ответил *cosack*, — обо всех не перескажешь, да и, дойди мой рассказ до наших краёв, обидятся на меня. А вот про Василько Шекспиренко, пожалуй, расскажу. Он на меня, царствие ему небесное, не в обиде будет.

История
казака Василько Шекспиренко

Откуда родом был казак Василько Шекспиренко, никто точно припомнить не мог. Однако, рассказывают, что постранировав довольно, поселился он на берегу Чёрного моря, неподалёку от одной из генуэзских крепостей. Место он выбрал не потому, что нелюдим был или с басурманами снюхался, а по роду занятий и по склонности к созерцательной жизни, как сам ты, паньчу, видишь, в нашем народе распространённой.

Род же занятий его был таков, чтобы готовить добрую горилку особого рода. Горилку эту изобрёл его дед, он же получил и прозвище, унаследованное потомками — Жегспирт. Дали его ему потому, что для приготовления этого напитка нужен был ему первач наилучшего качества, который он, пущего испытания ради всегда, покупая, поджигал. По общему знакомству с латынью первач этот все называли *spirt*. От того и прозван был Василькин дед Жегспиртом. Впоследствии имя это обкаталось на языках и превратилось в Шекспира, а потомки его стали называться Шекспиренками. Главным же в приготовлении этой горилки были орешки одного из можжевельников, которые у той генуэзской крепости росли в изобилии. Казак Василько, поселившись на Черноморском берегу,

имел цели возвышенные, но от генуэзцев тайные. Собирая орешки, передавал он их казакам, чем настолько облегчил приготовление дедовской горилки, что готовить её стали в каждом казачьем доме, а поскольку приготовлением заведовали жёны казаков (жинки, как у нас говорят), то и горилку ту прозвали жинка.

Однако, обдумав всё, что было можно, на берегу Чёрного моря, Шекспиренко решил, по давнему казачьему обычаю, поглядеть, что в ваших странах делается.

Набрав довольно можжевеловых орешков (не знал бо, есть ли они у вас), Шекспиренко добрался до Англии, разумно полагая, что, возвращаясь из неё, осмотрит и все остальные ваши страны, поскольку Англия — самая из них дальняя. Однако положение дел, которое застал он там, заставило его надолго в этой стране остаться, ибо жалкое состояние жителей сей страны не могло оставить безучастным столь широкую душу, какую обладал казак Василько Шекспиренко.

Что же поразило его в англичанах? Кратко сказать — общий уровень их культурной неразвитости. В стране полностью отсутствовала как культура питания, так и культура стихосложения. Сочувствуя этому народу, не лишённому добрых задатков, казак Шекспиренко взялся исправить печальное положение. Эта задача не показалась ему неразрешимой, поскольку он разработал правильные образ и последовательность своих действий.

Прежде всего, воспользовавшись своим искусством, Василько приготовил свою замечательную горилку — жинку. На первую партию хватило привезённых с собою орешков, а потом местные жители указали казаку местные заросли можжевельника, подтвердив тем самым правильность предположения Шекспиренко, что они не лишены добрых задатков.

Появление нового напитка в английском народе вызвало то, что они обозначают словом *shock* — потрясение, а поскольку это потрясение связано было с горилкой, или как там говорят — *spirit*,

то прозвище Васильки Шекспиренки англичане начали производить именно от *shock spirit*, то есть «спиртовой шок», а саму «жинку», по варварской неразвитости их языка переименовали в «джин», каковое название за этим напитком в Англии сохранилось и до сего дня.

Василько не сопротивлялся изменению своей фамилии, поскольку видел всю невозможность объяснить тонкости возбуждённой толпе. Толпа хотела видеть то, что доступно её неразвитому вкусу. Даже само имя Василько было переделано на местный лад. Так казак Василько Шекспиренко сделался Вильямом Шокспиритом.

Василько, однако, на этом не остановился. Улучшение культуры питания было только первым этапом этой масштабной программы смягчения народных нравов. Увидев, что публике уже привит некоторый вкус, Шекспиренко перешёл ко второму этапу. Он начал писать стихи! Если бы не успех первого этапа, трудно было бы поверить, что эта мера будет иметь сколь-нибудь значительные последствия в этом варварском народе. Но Шекспиренко рассчитал всё точно — его новый шаг опять произвёл в обществе *shock*, на этот раз духовный, но на местном варварском наречии это снова звучало — *shock spirit*! Что поделать — неразвитой толпе, что стихи, что водка — всё едино!

Однако, мало-помалу, творимые Шекспиренко вирши начали производить благотворное действие — и в Англии вскоре научились отличать одно от другого.

Имя нашего казака так часто звучало на устах восхищённых англичан, что мало-помалу обкаталось, затёрлось и сократилось. Теперь его звали не иначе как Шекспир, под каковым именем и помнит теперь его вся Англия, а с нею вместе и весь мир. Впрочем, так же как не смог западный мир сохранить ни правильное название напитка, ни правильного звучание казачьего прозвища, так не сохранил он многого из того, что оставил ему Шекспиренко.

Сохранить-то, вроде и сохранил, да исказил. Что, спросите, исказил? Да взять, хотя бы известную историю по казака Отеленко и жинку его Дездемону. Не так всё было. Не было этой крови, убийства, да ещё ближайшими друг к другу людьми. Не любят у нас этого казаки. Да и называлась история эта по другому — «Помолились и угомонились», такое было сразу название. Но не понравилась такая концовка дикой всё ещё английской публике. Сами же потом и переделали. Вот и получилось всё не по нашему, не по православному. Да, по правде сказать, разве могла эта история после переделки иначе закончиться? Кто бы такое бабское хамство вытерпеть мог? Ведь что они там напридумали? Ведь приходит казак Отеленко домой. Поздно приходит, устал человек, а баба его — спит, подлая, мужа встречать и не думает! Кому обидно не станет? Однако он её как человек спрашивает: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» По человечески спрашивает, опомниться даёт, может оплошала да исправится, покается. А та что в ответ? «Да, говорит, молилась уже». Не мешай, дескать, спать хочу. Кто не обидится, кто не вспылит? Ну и попалась под горячую руку. Да не так у Шекспиренки было. Это уж он потом настоял, чтобы из Отеленко Отеллу сделали, да негром его бы на сцене представляли. Нарочно он настоял, чтобы не подумал кто, что у нас, казаков такое случиться могло. Ведь у нас и представить невозможно, чтобы казачка так казаку нагло бы ответила! Ведь у Шекспиренко какой конец был? Также точно всё начиналось. Отеленко домой пришёл поздно, и Дездемону уж сон сморил. Так точно всё и было. И обида уж к сердцу казака подбираться начала. И впрямь он в сердцах жинку спросил: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Не мог он поверить, что после молитвы так можно мужа встречать, сонной. Да только потом не так всё было, как они переделали. Ведь жинка, как только голос казака своего услышала, так сразу с радостью и говорит: «Нет, серденько мое, не молилась ещё, все тебя ждала». И за молитвослов сразу, да молитвы вечерние давай читать, а потом

акафистов несколько, да кафизм из Псалтири, да канонов. Пока суть да дело, казак-то её и заснул спокойно. Наутро проснулся — другой человек совсем. Одним словом — помолились и угомонились. Так-то оно у Шекспиренко миром да ладом завершилось. Оно и понятно — как можно, чтобы казак с казачкой до смертоубийства ссору бы довели? А если б оно и случилось, то как такой срам на люди выносить? Да ещё и со сцены? У Шекспиренко никакого сраму не было. Это уж потом его вирши во всём переделали. Не по вкусу им пришлось. Всё крови да страстей хотели. А своего написать не могли, да и понимали, что имя Шекспиренко, или как они его там в Шекспира переделали, ничем уже не заменишь, вот и мастырились под него как могли. Шекспиренко много ещё им чего поучительного написал, он ведь для улучшения нравов всё это делал, да народ английский так и не дорос до его творений. Разве вот сами англичане вирши сочинять приноровились, да жинку под именем джина до сих пор хлещут. А так ничего более не усвоили. Вот и скажите на милость, паньчу, на кой ляд мы всему свету рассказывали б, что Вильям Шекспир — это наш казак Василько Шекспиренко, когда во всей Англии они от него ни одной строчки не искажённой не оставили, а и саму горилку неправильно даже называть стали? На кой, паньчу, скажите ляд оно нам это нужно?..

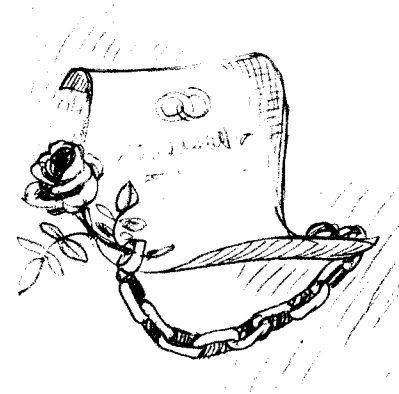
(До этого именно места доведены в настоящее время труды по восстановлению текста рукописи. Надеюсь, что и в дальнейшем рост научного всемогущества позволит продолжить работы по восстановлению сего замечательнейшего текста, достойного, несомненно, занять почётнейшее место в ряду величайших открытий нашего века. П р и м . И з д а т е л я).

ЛЮБОВЬ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Краткая поучительная пьеса

из испанской жизни
в трех действиях с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Хуан — сначала молодой, а потом старый испанец.
Дон Антонио — его сын, молодой испанец.
Дон Карлос — друг дона Хуана, молодой испанец.
Донна Инезилья — возлюбленная дона Хуана,
которую мы видим уже в старости.
Судья испанских кортесов.
Арлекин, поборник законности.

Уж не даром мерзостный,
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его, для сраму, я
Маврою одену;
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

К. П. Прутков
«Желание быть испанцем»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Хуан — сначала молодой, а потом старый испанец.

Дон Антонио — его сын, молодой испанец.

Дон Карлос — друг дон Хуана, молодой испанец.

Донна Инезилья — возлюбленная дон Хуана,
которую мы видим уже в старости.

Судья испанских кортесов.

Арлекин, поборник законности.

ДЕЙСТВИЕ I

Севиля или Гренада XVII-XVIII век.

Беседуют два друга, некий дон Хуан и некий дон Карлос

Дон Хуан (*радостно*): Послушай, дон Карлос, что пришло мне на ум! Задумал я обзавестись возлюбленной.

Дон Карлос: Что ж, дело доброе. Однако, сколько обязанностей возложит оно на тебя!

Дон Хуан (*удивленно*): Каковы же они!?

Дон Карлос: Во-первых, ты будешь обязан приобрести множество потребных к тому предметов, как то: плащ, шляпу с пером, камзол, сапоги и, вообще, обновить свой наряд. Кроме того, обязан ты будешь обзавестись гитарой и шпагой, искусство владения которыми обязан ты изучить.

Дон Хуан (*встревожено*): Нешутошныя дела ты говоришь, дружище.

Дон Карлос: Да, но и это не все. Взяв уроки фехтования и игры на гитаре, обязан ты будешь разучить около десятка различных серенад и хотя бы пару танцев: хотя бы па-д'Эспань или качучу. И все наизусть. А знаешь ли ты, сколько в каждой из них слов и па?

Дон Хуан (*растерянно*): Право, не задумывался.

Дон Карлос: Так посчитай же. В кратчайшей из серенад куп-

летов по пять будет. В каждом — по четыре строки, некоторые из которых вынужден ты будешь повторять дважды. А в строке, почитай, слов по пяти, не менее. Вот и умножь: пятью четыре да еще и на пять. Итого, ровным счетом, сотня. И это я не беру в расчет повторений иных строк! А уж па в танцах и счету не поддаются.

Дон Хуан (*задумчиво*): Да, брат, просто умом цепенею.

Дон Карлос: Но это, так сказать, обязанности приуготовительные, по исполнении которых ты приступишь к главнейшим, кои состоят в непрестанном многочасовом пении под гитару разученных тобою серенад и исполнению танцев. Причем под балконом возлюбленной ночью!

Дон Хуан (*обескуражено*): Что ты, дон Карлос! Нелегки сии обязанности. (*с надеждой*) Но каковы же права?

Дон Карлос: Прежде ответа на твой вопрос, скажу еще, что к обязанностям следует прибавить и ведение возможных поединков с соперниками, для чего и приобретается упомянутая уже мною шпага. А может быть и гитара...

Дон Хуан (*робко*): Но, права..., каковы же права?

Дон Карлос: А права таковы: во-первых, ты имеешь право возлюбленную избирать и быть избранным ею из числа соперников. Будучи избранным, ты имеешь полное право требовать от нее определенных знаков внимания, как-то: *a)* томных взглядов; *b)* загадочных улыбок; *c)* как бы невзначай оброненных ею личных вещей, на подбирание, прижимание к груди, целование и хранение которых ты также имеешь полное право; *d)* по прошествии времени ты имеешь право требовать поцелуев, объятий, шептания ласковых слов, учащения дыхания и т.д.; *e)* писание писем приличествующего содержания, а кроме того, *f)* ты имеешь право требовать, чтобы никому, кроме тебя подобные знаки внимания твоей возлюбленной более не оказывались.

Дон Хуан (*тревожно*): А если, не взирая на примерное исполнение мною всех моих обязанностей, она будет чинить препятствия к реализации моих прав, могу ли я обжаловать ее действия и требовать возмещения понесенных затрат и морального ущерба?

Дон Карлос (*с сожалением*): Увы, мой друг, увы...

Дон Хуан (*в отчаянии*): О несовершенство законодательства!!!

ДЕЙСТВИЕ II

Дон Хуан спустя несколько десятков лет. Он согбен, с длинной седой бородой, на плечи ниспадают давно не чесанные седые волосы. Сидит за столом с пером, чернильницей и пергаментом. Пишет.

Дон Хуан (*отрываясь от письма*): О, Инезилья! Я добьюсь, добьюсь своих прав! Вот уж сколько десятков лет прошло с тех пор, как я скрупулезно исполнил все обязанности возлюбленного! Какой плащ, какую шляпу, какой камзол справил я тогда! А гитара, а сапоги! А бесконечные уроки у гитаристов, фехтовальщиков и танцоров! А сколько звонких эскудо не скупясь я отвалил этим бездельникам! Мало ли я спел серенад! Исполнил танцев! Разве только шпагу не употребил к делу. Кроме меня никто не стоял под твоим балконом. Я все, все бы понял, все бы простил, ничего бы не требовал, если бы был избран тобою не я! Но тебе некого было выбирать кроме меня, и это подтвердит суд! Потому-то с полным правом имею я требовать причитающихся мне томных взглядов, улыбок и всего прочего, вплоть до учащения дыхания. Тогда ты не обронила ни единого предмета, не бросила ни одного взгляда... лишила меня всего из законных моих прав. Но я

добьюсь, я добьюсь! Милый друг мой дон Карлос! Сорок с лишним лет, пока ты был жив, отговаривал ты меня от борьбы за мои права, не чая, что возможно их добиться. Впрочем, ни секунды не сомневался ты в законности моих требований. О, возрадуйся ныне на небесах! Ныне день законного воздаяния! Сегодня заседание суда кортесов, куда направил я последнее из своих писем, требуя правосудия. С каждым из заседающих ныне устроил я дело, каждого склонил на свою сторону! Пусть же, пусть отвертится моя Инезилья от исполнения законного решения суда! Исполнение его неотвратимо. Впрочем, я уже стар и дни мои сочтены. И решения этого я добивался не для себя. Мне довольно торжества справедливости. А сын мой, наследник, он насладится плодами моих трудов! В его пользу уговорил я вынести решение суда. О, дон Антонио, о сын мой! Твоя юность не отягчилась тяжкими обязанностями возлюбленного, но моими трудами ты вкусишь сладких плодов любви!

Что это! Темнеет в глазах, члены тяжелеют... душно... О, Инезилья! О, дон Антонио! Умираю!.. *(валился на бок, падает и умирает)*.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зал суда Кортесов. Судья за столом, перед ним — дон Антонио, сын покойного дона Хуана — молодой человек приятной наружности.

Дон Антонио: Разрешите представиться, Ваша честь, дон Антонио, сын дона Хуана, прибыл для вступления в наслед-

ство прав покойного моего отца *(отвешивает низкий поклон)*.
Судья: О! Узнаю, узнаю дона Хуана! Та же стать, те же приятнейшие манеры! Тень отца радуется, глядя, сколь достойный наследник воспринимает его законные права!

Дон Антонио: Осмелюсь осведомиться о ходе дела покойного моего отца, наследником прав коего я являюсь.

Судья: Права отца вашего подтверждены Высочайшим решением, которое пересмотру и обжалованию не подлежит *(достает свиток)*. Вот это решение. Возьмите.

Дон Антонио *(порывисто берет свиток)*: О, дон Хуан! О, отец мой! Вот плоды трудов твоей жизни! *(разворачивает свиток, читает)*. «Сим высочайше повелевается: донне Инезилье, признанной судом возлюбленной дона Хуана, предписывается, в возмещение издержек, понесенных им при исполнении обязанностей возлюбленного, в течение оставшегося срока жизни неукоснительно исполнять обязанности возлюбленной по отношению к означенному дону Хуану, по праву требующему от нее: а) томных взглядов; б) загадочных улыбок, и далее, по прилагаемому списку, вплоть до учащения дыхания. Кроме того, повелеваем, в виду безвременной кончины истца, все права, принадлежащие ему, считать унаследованными его сыном — доном Антонио, коему и предписывается осуществлять принадлежащие его покойному отцу права»...

Судья *(глядя на часы)*: Кстати, дон Антонио, через минуту здесь появится донна Инезилья, которой уже оглашено решение суда, и потому вы тотчас же вправе получить от нее первую часть причитающегося вам по праву. Чу! Вот уже и ее шаги. Входите!

Дон Антонио *(порываясь в сторону входящей Инезильи)*: Я здесь, Инезилья! Я здесь...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Инезилья, дама лет 70-ти, несущая на себе все следы своего возраста.

Она улыбается, видны редкие и неровные ее зубы.

Дон Антонио (*пошатнувшись, схвативши грудь*): Я здесь!...
(*падает навзничь*).

Донна Инезилья, продолжая улыбаться, бросает томный взгляд.

Судья: Ничего, ничего, сударыня, спокойно исполняйте. А он — ничего, ничего, отойдет. Известно, дело молодое. Первая встреча, чувства нахлынули, не выдержал наплыва. Исполняйте, исполняйте, сударыня, я ваши усилия нотариально заверяю. Спокойно исполняйте... (*пишет*)

Донна Инезилья, продолжает улыбаться, с трудом учащает дыхание. Из груди ее слышны хрипы и свисты. Дон Антонио тяжело стонет. Судья внимательно следит за действиями донны Инезильи и аккуратно заносит все в протокол. Донна Инезилья дышет еще чаще.

ЗАНАВЕС

Тираж 5 экз.
Права не защищены